

Хаврин С.В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 58. СПб., 1999.

Чижевский А.А., Лыганов А.А., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2019. №2.

Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999.

УДК 903.27:903.211.3(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.26

И.В. Ковтун

Институт экологии человека ФИЦ угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

ВИСЛООБУШНЫЙ ТОПОР С ГРЕБНЕМ В НИЖНЕТОМСКОМ ОЧАГЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 р_а
«Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность»

Статья посвящена находке вислообушного топора с гребнем в окрестностях с. Поломошное, вблизи Тутальской и Никольской писаниц. Рассматривается ареал и культурная принадлежность типологически аналогичных изделий. Констатируется использование вислообушных топоров с гребнем представителями собственно андроновской, ряда андронидных и саргаринско-алексеевской культур. Обобщены результаты датировки по ¹⁴C закрытых погребальных комплексов с полноразмерным и вотивными топорами подобного типа. Установлено бытование данных топоров у андроновского населения Северо-Западной Азии в пределах XVII – начала XV в. до н.э. Уточнен нижний хронологический рубеж появления вислообушных топоров с гребнем у саргаринско-алексеевского населения, ограниченный на основании суммы радиоуглеродных датировок XIV в. до н.э. Предложена культурно-хронологическая интерпретация поломошинского топора в составе Нижнетомского ранне- / андронидного комплекса XVI–XIV(XIII) вв. до н.э.

Ключевые слова: вислообушный топор, Томь, андронидные культуры, хронология, наскальное искусство

При проведении сельскохозяйственных работ (уборке картофеля) на территории Поломошинского сельского поселения Яшкинского муниципального округа Кемеровской области 21 сентября 2020 г. был найден бронзовый вислообушный топор с гребнем (рис. 1; 2). Находка вместе с урожаем попала в бункер комбайна, в котором ее доставили к месту сортировки картофеля, а после разгрузки бункера топор на транспортере обнаружил А.Э. Здоровцев. Позднее изделие передали учителю истории и руководителю школьного музея Поломошинской средней школы Ю.В. Тымчак, обнаружившей его для научной общественности, музейного сообщества и всех жителей Кузбасса*. Приблизительное место находки охватывает широкую территорию отдаленного правобережья Томи между Тутальской и Никольской писаницами, на землях, занятых картофельными полями холдинга «КДВ групп».

Максимальная длина топора от обуха до лезвия составляет 22,8 см. Высота втулки-проушины – 7,8 см, а ее ширина по контуру – 3,8 см. Ширина лезвийной части – 4,8 см. Внутренний диаметр овальной втулки-проушины – 4,5×3,2 см.

Данный топор представляет один из характерных типов бронзовых изделий восточной азиатской зоны Евразийской металлургической провинции [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 54]. Ключевые морфологические параметры изделия позволяют от-

* Автор искренне признателен Юлии Викторовне Тымчак, передавшей нам для исследования топор из окрестностей с. Поломошное.

нести его к числу бронзовых вислообушных топоров с выраженным гребнем без отверстия, с укрепляющим эллипсоидную втулку-проушину валиком, окаймленным двумя рельефными ребрами жесткости, и с овальным пяточным выступом, без следов использования. Втулка-проушина выступает над рельефным валиком, переходящим в боковые стенки шестигранного клинка, а также под ним, оканчиваясь утолщенным валиковым ободком вокруг устья втулки. Судя по литейным швам, изделие отлито в двухсторонней форме. Поломошинский экземпляр отличается коллекционной сохранностью и не имеет очевидных признаков употребления в производственных практиках (рис. 1; 2).

Типологически аналогичные топоры выделены Н.А. Аванесовой в тип В. Они обнаружены в северо- и центрально-азиатских ареалах, простирающихся от Южного Урала до Енисея, включая Киргизию, Семиречье, Центральный, Северный и Восточный Казахстан, а также Барабу и районы Лесостепного Алтая [Аванесова, 1991, с. 11; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294–297, рис. 2; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59–60; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 30–31, фото 4; Тишкин, Фролов, 2016, с. 124–125; Тишкин, Фролов, 2017, с. 75; и др.]. Южный рубеж распространения таких топоров ограничен литейной формой из поселения 16 Кайрак-Кумов в Северном Таджикистане [Аванесова, 1991, с. 16, рис. 14.-72], хотя выраженность гребня этого экземпляра прослеживается слабо. Восточная периферия центрально-азиатской серии подобных изделий представлена случайной находкой вислообушного топора с гребнем на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в уезде Тачэн (Чугучак) [Бехтер, Хаврин, 2002, с. 75, рис. 11]. Кроме того, известен вислообушный топор из Ховдского музея (Монголия), но с отверстием-петлей на месте гребня (информация и фото предоставлены А.А. Тишкиным). Еще один самый северный экземпляр вислообушного топора с гребнем происходит из окрестностей селькупского поселения Золотье Юрты с притока Парабели р. Кенга [Матющенко, 1973, рис. 6.-1] (рис. 3.-1).

Морфологически и территориально наиболее близким поломошинскому топору представляется изделие из окрестностей пос. Северный Первомайского района Алтайского края [Тишкин, Фролов, 2017, с. 79, рис. 8; 9]. Особенное сходство им придают двойные рельефные ребра жесткости, окаймляющие валик, укрепляющий втулку-проушину (рис. 1.-1, 2; 2.-1–3). Эта почти уникальная инвариантная деталь в стилизованном виде встречается еще на одном алтайском экземпляре из с. Карпова [Тишкин, Фролов, 2017, с. 78, рис. 6; 7] и не повторяется ни на одном из известных вислообушных топоров с гребнем. Экземпляр из окрестностей пос. Северный не только ближайшая территориальная и морфологическая параллель поломошинскому изделию, но и единственный вислообушный топор с правобережья Оби. Совпадение не повторяющейся морфологической детали топоров из окрестностей пос. Северного и с. Поломошное указывает на единую праформу и общность истоков металлургической школы. Находка алтайского экземпляра сделана за пределами ареала корчажкинских памятников, тяготеющих к пойме правого берега Оби, и вне территории левобережных саргаринско-алексеевских комплексов, в степной зоне, занятой андроновским населением. Поэтому культурная принадлежность топора из окрестностей пос. Северного, вероятнее всего, связана с позднеандроновскими древностями.

Поломошинский топор территориально не соотносится с известными металлургическими очагами 2-й трети II тыс. до н.э. и обнаружен за пределами северо- и центрально-азиатских районов концентрации подобных изделий. Он найден на северо-западной

оконечности Кузнецкой котловины и географически «связывает» Центрально-/Северо-Казахстанский, Обь-Иртышский и среднеенисейский ареалы вислобушных топоров с гребнем и без него. В этом качестве топор из окрестностей с. Поломошное уникален и его появление в Нижнетомском очаге наскального искусства нуждается в культурно-историческом объяснении. Такая интерпретация обусловлена культурно-хронологическим контекстом вислобушных топоров с гребнем, бытование которых ранее соотносилось либо с андроновским массивом, либо с периодом поздней или даже финальной бронзы. Исчерпывающий историографический обзор этих культурно-хронологических версий уже выполнен [Тишкин, Фролов, 2017, с. 80–82], что исключает необходимость аналогичного экскурса. Но очевидно, что при отнесении данных изделий к андроновскому [Аванесова, 1991, с. 15] или саргаринско-алексеевскому [Агапов, 1988, с. 85–86; Дегтярева, Нескоров, 2015, с. 38] культурному горизонту, а равно к периодам разви-

Рис. 1. Топор из окрестностей с. Поломошное: 1 – вид справа; 2 – вид слева; 3 – вид сверху; 4 – вид снизу

Рис. 2. Топор из окрестностей с. Поломошное: 1, 2 – валик, гребень и рельефные ребра жесткости; 3 – вид сзади; 4 – пяточный выступ

той и поздней [Кузьмина, 1966, с. 13; Иванов, 2013, с. 487; 2014, с. 91, 95] либо финальной [Бехтер, Хаврин, 2002, с. 75] бронзы преобладали доводы косвенной аргументации. Объективной причиной тому остается исключительно редкое нахождение рассматриваемых изделий в закрытых комплексах с установленной культурной принадлежностью и определенной датировкой. Однако подобные находки известны и должны верифицировать представления о времени бытования вислообушных топоров с гребнем и о культурной принадлежности использовавших их сообществ.

Частью вышеупомянутой аргументации представляется синхронизация подобного типа топоров с периодом бытования восточной зоны культур валиковой керамики. Они были найдены в составе комплексов валиковой керамики на поселении Чаглинка и местонахождении Степняк (см. по: [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 140, 142; Аванесова, 1991, рис. 12.-35, 36]) в Северном Казахстане и отнесены к числу древностей алексеевско-саргаринской культуры, датированной XV/XIV–XIII/XII вв. до н.э. [Дегтярева, Нескоров, 2015, с. 38]. Радиоуглеродные даты валиковых комплексов Южного Урала и лесостепного Притоболья охватывают период с XIV по X (IX) вв. до н.э. [Епимахов, 2010, с. 46], а единичное более древнее значение признано недостоверным [Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006, с. 36]. Даты саргаринско-алексеевских комплексов Лесостепного Алтая не образуют устойчивого диапазона, указывая на время от XIV до IX в. до н.э. [Папин, 2015, с. 135–136]. Следовательно, вероятная сопряженность валиковой саргаринско-алексеевской керамики Северного

Казахстана и вислообушных топоров с гребнем может свидетельствовать лишь о верхнем хронологическом диапазоне данных изделий, начинающемся не ранее XIV в. до н.э. Сведений, удостоверяющих время финала этой разновидности вислообушных топоров, пока нет.

Об обоснованной датировками по ^{14}C нижней дате и о культурной принадлежности вислообушных топоров с гребнем следует судить по их находкам в закрытых комплексах. Они представлены двумя вотивными, т.е. не материалоемкими копиями

Рис. 3. Топор из пос. Золотые Юрты, р. Кенга, правый приток Парабели:
1 – общий вид справа (экспозиция Колпашевского краеведческого музея,
фото А.Я. Труфанова)

таких топоров, и одним полноразмерным экземпляром. Вотивные изделия найдены в андроновском погребении 1 кургана №17 барабинского могильника Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294–297, рис. 2; Молодин, Новиков, Жермерикин, 2002, с. 59–60] и в северо-казахстанском андроновском (нуринском) могильнике Шондыкорасы-II (судя по масштабу, не более 6 см в длину) [Сакенов, 2013, с. 47, рис. 9.-3; Ковтун, 2016, с. 84]. Полноразмерный вислобушный топор с гребнем обнаружен у разваленных стен бегазы-дандыбаевского мавзолея №1 Сангыру-1 [Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 30–31, фото 4].

Дата барабинского захоронения с вотивным топориком определена 3290 ± 60 ВР, т.е. 1700–1430 (94,2%) гг. до н.э. [Molodin et al., 2012, p. 740, table 1]. Современная калибровка и дифференцированный вероятностный диапазон указывают на более молодые значения: 1692–1438 гг. до н.э. (93%) или 1626–1498 гг. до н.э. (67,2%) (OxCal v4.4.2 Bronk Ramsey (2020)). В последнем случае хронологический период сужается от последней четверти XVII до начала XV в. до н.э. Наряду с другим периферийным курганом – №19, также отстоявшим от основной части могильника, это один из наименее возрастных курганов Старого Тартаса-4.

Датировка мавзолея №1 Сангыру-1, у стен которого найден вислобушный топор с гребнем, не производилась. Но установлены три даты других захоронений этого могильника: мавзолей 7 – 1496–1474 гг. до н.э. или 1461–1427 гг. до н.э. (68,3%), 1505–1408 гг. до н.э. (95,4%); ограда 13 – 1386–1339 гг. до н.э. или 1317–1268 гг. до н.э. (68,3%), 1406–1256 (0,942) гг. до н.э. или 1251–1231 (0,058) гг. до н.э. (95,4%); ограда 2 (или ограда 3 Сангыру-III) – 1494–1479 гг. до н.э. или 1456–1408 гг. до н.э. (68,3%), 1502–1387 (0,952) гг. до н.э. или 1338–1319 (0,048) гг. до н.э. (95,4%) [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 169, табл. 7; Бейсенов, 2015, с. 119]. Приведенные датировки охватывают период с финала XVI–XV вв. до н.э. по XIV – середине XIII в. до н.э.

Таким образом, вислобушные топоры с гребнем бытовали у «андроновцев» либо на всем протяжении XVII в. до н.э., либо с его окончания до начала XV в. до н.э. Этот период совпадает и с установленным по ^{14}C временем андроновского культурного массива на Среднем Енисее [Поляков, 2019, с. 167–171; Поляков, Святко, 2019, с. 19], где найдены такие топоры. При этом в мог. 2, кургана №2 среднеенисейского андроновского могильника Ланин Лог также обнаружен вотивный вислобушный топор, но без гребня [Вадецкая, 1986, с. 49; Аванесова, 1991, с. 14; Ковтун, 2000, с. 118–120, табл. II.-2, 3; 2016, с. 84]. Для

данного могильника известны три радиоуглеродные даты [Аванесова, 1991, с. 14; Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 6, table 3]*, две из которых выполнены по дереву из соседнего кургана №1 и условно корректны: кур. 1, мог. 1 – 3390 ± 70 BP, т.е. 1830–1514 гг. до н.э. (87,6%) или 1767–1609 гг. до н.э. (59,8%); кур. 1, мог. 3 – 3360 ± 65 BP, т.е. 1777–1501 гг. до н.э. (90,5%) или 1693–1599 гг. до н.э. (41,5%) или 1591–1542 гг. до н.э. (18,8%) (OxCal v4.4.2 Bronk Ramsey (2020)). При сужении вероятностного диапазона эти датировки максимально пересекаются с андроновской эпохой Среднего Енисея от 2-й трети XVIII–XVII вв. до н.э. до середины XVI в. до н.э. Судя по Шамшинскому кладу [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 141–142, рис. 1.-15, 16], подобные протоформы доживают и сосуществуют с вислобушными топорами с гребнем. Поэтому наряду с последними андроновские сообщества могли одновременно использовать и параметрически архаичные экземпляры.

У представителей свиты раннеандроноидных культур, включая бегазы-дандыбаевскую, унаследовавших андроновскую традицию изготовления бронзовых топоров подобного типа, такие изделия появляются не позднее конца XVI в. до н.э. Это время соответствует диапазону переходного периода от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии. Он представлен свитой таких раннеандроноидных культур, как классическая карасукская, или «I этап эпохи поздней бронзы», танайская, еловская, позднекротовская (заключительная фаза черноозерского этапа), возможно, корчажкинская (ранний этап) (?) и западная пахомовская (ранний этап) (?), коптяковская (поздний этап), черкаскульская, федоровская и др.

В Нижнем Притомье древности этого периода составляют Нижнетомский ранне- / андроноидный комплекс. Но собственно андроновские памятники там пока неизвестны. Поэтому безусловных оснований для отнесения топора из-под с. Поломошное к числу собственно андроновских древностей, в отличие от его алтайской параллели из окрестностей пос. Северный, также не имеется. Следовательно, поломошинский выгнутообушковый топор с гребнем относится либо к предполагаемому андроновскому, либо (и скорее) к раннеандроноидному времени, представленному Нижнетомским ранне- / андроноидным комплексом. К этому культурному массиву причастны и соответствующие материалы Томских могильников на Малом мысу и отчасти на Большом мысу, поселений Самусь-IV, Самусь-III и, возможно (?), Старого Мусульманского кладбища. В Нижнетомском очаге наскального искусства ранне- / андроноидная керамика, по моему мнению, найдена на поселениях Новороманово-II и Верхняя Санюшка-I (Ивановка-1). Возможно, керамика данного культурно-хронологического комплекса имеется и на стоянке Долгая-I (?). По ножам томского типа и браслету с конусовидной спиралью из Томских могильников на Малом мысу и на Большом мысу [Ковтун, 2016, с. 78–79, 81–82], рассматриваемому выгнутообушковому топору с гребнем и установленному по ^{14}C нижнему рубежу последующей, в целом, ирменской культуры в Нижнетомском очаге наскального искусства (Синеречка-1 – XV в. до н.э. [Марочкин, 2016, с. 86]) Нижнетомский ранне- / андроноидный комплекс датируется XVI–XIV (XIII) вв. до н.э. Данный диапазон удостоверяется и датировкой по ^{14}C древесины из захоронения 47 ЕК-II [Аванесова, 1991, с. 117] с ножом и браслетом указанных типов [Матющенко, 2004, с. 68–71]. Дата этой могилы 3160 ± 65 BP была откалибрована со значениями 1544–1260 гг. до н.э. (94,5%) или 1504–1387 гг. до н.э. (60,6%) (OxCal v4.4.2 Bronk

* В монографии Н.А. Аванесовой конвенциональная дата дерева из кур. 1, мог. 3 определена 3360 ± 65 BP, а в статье А.В. Полякова и И.П. Лазаретова – 3660 ± 65 BP. Очевидно, что у кого-то из авторов ошибка в одной цифре. При калибровке мною использовалось первое значение.

Ramsey (2020)), что соответствует XVI–XIV вв. до н.э. Судя по количеству ранне- / андронидных материалов и немногочисленной серии оглахтинско-томских и иных петроглифов данного времени, с учетом нижнего рубежа ирменских древностей, бытование ранне- / андронидного комплекса в Нижнетомском очаге наскального искусства менее продолжительно. Предварительно этот культурно-хронологический период определяется окончанием 1-й половины – серединой II тыс. до н.э.

В Нижнетомском очаге наскального искусства, а равно во всем Нижнем Притомье (учитывая истолкование М.Ф. Косаревым [1981, с. 118–131] черноозерско-томского варианта андроновской общности) такая транзитивная вежа и раннеандронидный культурно-хронологический период до настоящего момента не выделялись. Поэтому поломошинский топор и одновременные ему древности вышеперечисленных нижнетомских памятников представляют ранее неизвестную здесь переходную историческую эпоху.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Агапов С.А. О культурной принадлежности «топоров с гребнем» // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18).
- Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ. История. 2015. №3 (35).
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай И.К., Ахияров И.К. Исследования в северной Бетпақдале // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита, 2002.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Дегтярева А.Д., Нескоров А.В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №3 (30).
- Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. №2.
- Иванов С.С. Новые находки вислобушных топоров из Прииссыккуля // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Иванов С.С. Новые находки орнаментированных вислобушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9).
- Ковтун И.В. Андроновские сосуды с подквадратным устьем // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI.
- Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. №4.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М.; Л., 1966 (САИ. В4-9).
- Марочкин А.Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Вып. 27. Кемерово, 2016.
- Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. 2006. №2.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // ИИС. Томск, 1973. Вып. 11.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004.

Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. IV.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3 (11).

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник КемГУ. 2015. №2 (62). Т. 6.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. СПб., 2019. №20.

Поляков А.В., Свято С.В. 2009–2019: новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы минусинских котловин // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). СПб., 2019.

Сакенов С.К. Алакульские и нуринские комплексы могильника Шондыкорасы II // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук, 2013. №3 (289).

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменений форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №4 (42).

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Топоры эпохи бронзы с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, №1, 2017.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. 14C chronology of burial grounds of the andronovo period (middle bronze age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radiocarbon. 2012. Vol. 54, №3–4.

Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports 29 (2020). 102125. P. 1–18.

УДК 903.022«637»

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.27

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

КЕРАМИКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИОЛЬХОНЬЯ

Работа выполнена по гос. заданию Минобрнауки России, проект №FZZE-2020-0021 «Система геоархеологического знания об ископаемых культурах Байкальской Сибири в геологическом времени антропогена и географическом пространстве Северо-Восточной Азии для многокомпонентных геоархеологических исследований»

Проведен морфологический анализ керамических материалов из погребальных комплексов охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья. В основу положены фрагменты 17 сосудов из четырех могильников (Хужир-Нугэ-IV, Хадарта-IV, Улярба-II и Туаханэ-IX). Выявлены характерные черты керамической посуды. Все сосуды круглодонные либо остродонные. Преобладают простые, закрытые формы. Керамика гладкостенная и штриховая. Для орнаментации характерны: «жемчужины»; построения из рядов, выполненных штамповыми вдавлениями или отступающей техникой; сочетания «жемчужин» с рядами штамповых вдавлений или прочерченных линий. Выделяется сосуд из погребения №4 Хадарты-IV, оформленный «жемчужинами» и антропоморфными изображениями, выполненными прочерчиванием. Отмечены единичные сосуды, украшенные ногтевыми защипами. Выделенные группы керамики находят аналогии с материалами мультислойчатых стоянок бронзового века региона. Проведенные сравнения показали, что вся исследованная керамика характерна для бронзового века Приольхонья хронологического диапазона 4430–3590 кал. л.н. Выделяется стратиграфически и типологически комплекс с керамикой, украшенной ногтевыми защипами, датируемый в пределах 3370–3230 кал. л.н.